

E. V. Nuyftin

**ABOUT THE SPECIFICS OF FORMATION TECHNOLOGY
OF ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL COMPETENCE AMONG
STUDENTS (ON THE EXAMPLE OF CADETS OF A MILITARY INSTITUTE)**

The article discusses the issues of training future managers capable of high-quality planning, organization, management and control of activities. The purpose of the article is to substantiate the specifics of technology for the formation of organizational and managerial competence among students. Based on the analysis of psychological and pedagogical sources, a pedagogical technology has been developed, including the purpose, tasks, stages, components of competence, its content, elements of educational and extracurricular activities, internal and external factors determining the formation. The results of the study are presented in the revealed relationship between educational activities and individual design of students.

Key words: professional education, competence, management, planning, control, pedagogical technology, project activity, individual design, competitiveness.

УДК 159.9

И. А. Сухарев

**САМООЦЕНОЧНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ВИКТИМИЗАЦИИ УЧАСТНИКОВ
ШКОЛЬНОГО БУЛЛИНГА**

Статья посвящена одному из этапов создания предсказательной психологической модели виктимизации подростков, участвующих в буллинге. Выдвинута гипотеза о том, что виктимизация участников буллинга детерминирована самооценочными компонентами личности. На основе результатов эмпирического исследования ($n = 65$, подростки от 10 до 13 лет) с применением шкалы издевательств Гейтхауса, методики Дембо – Рубинштейн (в модификации А. М. Прихожан), мотивационно-самооценочного опросника В. А. Зобкова получена регрессионная модель, отражающая значимое влияние уровня самооценки, притязаний, деловых коллективистских качеств личности на виктимизацию школьников.

Ключевые слова: буллинг, травля, предикторы виктимизации, буллинг-структура, подростки.

Введение

Травля, буллинг, унижение человеком человека существуют столь долго, сколько существует и само человеческое общество в известных нам формах. Несмотря на долгую историю феномена, систематическому, детальному изуче-

нию в русле психологической, антропологической, социологической, этологической парадигм он подвергся относительно недавно.

Ведущей психологической концепцией, проливающей свет на проблему буллинга, является модель бул-

линг-структуры, предложенная норвежским психологом Даном Олвеусом, который под буллингом понимал преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы [8].

Буллинг-структура как социальная система включает: обидчиков (преследователей, агрессоров, хулиганов), их жертв и свидетелей (наблюдателей) [9]. О. Л. Глазман дополнила модель буллинг-структуры помощниками обидчиков и защитниками [11].

Анализируя личность участников школьного буллинга, Д. Олвеус описал следующие черты жертв: высокий уровень тревожности, сензитивность, эскапизм, склонность к избеганию насилия, а не сопротивления ему, отрицательное самоотношение, низкая самооценка [7].

Исследования К. Квак, С. Ли показывают, что жертвы обладают отрицательным самоотношением и склонностью избегать социальной поддержки [5].

Выделяются такие социально-психологические предикторы буллинга, как проблемы с управлением собой, трудности в социальных отношениях, негативный стиль мышления, генерализованная тревога, социальная тревожность [3; 4]. Самооценка, являющаяся, по мнению Д. Олвеуса, одним из главных «разграничителей» участников буллинга на жертв и обидчиков, также демонстрирует высокую предсказательную способность в исследованиях, посвященных специфической форме травли – кибербуллингу [2; 6]. Тем не менее недостаточно четко определено влияние конкретных самооценочных компонентов (притязания, частные самооценки, склонность избегать оценки)

на выбор роли жертвы в ситуации школьной, внесетековой травли, что делает изучение самооценочных предикторов буллинга перспективным направлением и предопределяет наш интерес к этой проблеме.

Чаще всего в ситуацию буллинга попадают учащиеся младшего подросткового возраста. Преобразование социальных отношений, необходимость взаимодействия с новыми учителями, формирование сообществ и референтных групп, направленность подростков на интимно-личностное общение, формирование самости являются благодатной почвой для возникновения травли, что в будущем непременно приведет к деформации процесса социализации личности [6]. Ведущей психолого-педагогической задачей институтов образования выступает формирование личности в гармоничных отношениях к себе и другим людям – отношениям, не нарушающим физическое и психическое здоровье человека. Сказанное обуславливает необходимость поиска путей оптимизации процесса развития личности подрастающего человека, снижения рисков нарушений развития на пути становления личности в гармоничных отношениях со средой, в широком ее понимании.

Метод

Цель эмпирического исследования: выявить самооценочные предикторы виктимизации подростков – участников буллинга.

Предполагалось, что склонность к избеганию оценки при высоком уровне притязаний и низкой самооценке детерминирует виктимизацию подростков, участвующих в школьном буллинге.

Выборку составили учащиеся 5 – 6-х классов, в возрасте от 10 до 13 лет

($M = 11,57$; $SD = 0,97$). Общее количество испытуемых – 65 человек, из них 13 подвергаются систематическому насилию, 26 периодически сталкиваются с буллингем. Выбор возрастной группы обусловлен направленностью детей младшего подросткового возраста на усвоение норм социального поведения, познание другого человека, межличностное общение, в котором склонность к участию в травле способна проявиться особенно ярко. Информация о травле была получена на основе беседы с классными руководителями и самими подростками, анкетирования, включавшего такие критерии, как неравенство сторон конфликта, целенаправленность травли, систематичность травли. Исследование проходило на базе МБОУ СОШ № 1, МАОУ «Гимназия № 73» г. Владимира и проводилось анонимно, в качестве персональных данных респондент указывал только возраст. Возможные половые различия не учитывались.

Исследовательская работа проводилась с помощью следующего психодиагностического инструментария:

- шкала издевательств Гейтхауса [1], позволяющая сложить представление о степени виктимизации подростков сверстниками. Подсчёт осуществляется для каждого из четырёх типов издевательств: дразнение, слухи, целенаправленное исключение/социальная изоляция и физические угрозы/насилие. Частые издевательства и связанные с этим негативные эмоции рассматриваются как имеющие равное значение; присутствие каждого из этих факторов считается худшим, нежели каждый из них по отдельности. Первый вопрос для каждой из четырех шкал подразумевает ди-

хотомию: 0 – издеваются, 1 – не издеваются. Единица является условием для продолжения прохождения шкалы, где респонденту предлагается оценить частоту издевательств и субъективное восприятие насилия (насколько факт насилия оказался огорчительным).

Каждый из четырех типов издевательств оценивается по следующей шкале:

0 – не издеваются;

1 – издеваются, но не часто, и особо не расстраиваются;

2 – издеваются часто или сильно расстраиваются, но не то и другое;

3 – издеваются часто, и сильно расстраиваются;

- методика определения самооценки Дембо – Рубинштейн (в модификации А. М. Прихожан) [9], позволяющая оценить уровень притязаний и самооценку подростка по шкалам характера, ума, способностей, авторитета у сверстников, внешней привлекательности, уверенности в себе. Стимульный материал методики представляет собой четыре вертикальные линии, последовательно расчерченные на горизонтальном листе бумаги. Предложенный С. Я. Рубинштейн вариант адаптации теста к детскому возрасту содержит модификацию пробы Де Грефе. При оценке себя по шкале «ум» ребенку предлагается также отметить разноцветными черточками положение своего соседа по парте и своего учителя. Оценка по шкалам «характер» и «счастье» дается в сравнении с учениками своего класса. Шкала «здоровье» является тренировочной, на примере которой ребенку объясняются приемы работы со шкалами, ответы по ней не учитываются в результатах методики. После простав-

ления меток начинается беседа с ребенком, цель которой – понять мнение ребенка о той или иной оценке, так же как и в беседе со взрослым.

Обработка проводится по шести шкалам (первая, тренировочная – «здоровье» – не учитывается). Каждый ответ выражается в баллах. Длина каждой шкалы 100 мм, в соответствии с этим ответы получают количественную характеристику (например, 54 мм соответствует 54 баллам);

- мотивационно-самооценочный опросник В. А. Зобкова (МСО) [12]. Включает в себя 49 суждений, характеризующих мотивацию и самооценку учащихся. Оценка утверждений респондентами осуществляется по трехбалльной шкале согласия: согласен – 2 балла, сомневаюсь – 1 балл, не согласен – 0 баллов. Данный опросник построен с учетом субъектно-деятельностного подхода и диагностирует различные формы самооценки: адекватную, завышенную, заниженную, несформированную, с тенденцией к завышению, с тенденцией к занижению, асоциальную. Опросник состоит из трех шкал: X_1 – показатель мотивационной направленности личности (лично-престижная мотивация – мотивация на дело и коллектив), X_2 – показатель занижения самооценки, X_3 – показатель завышения самооценки. По отношениям между X_2 и X_3 устанавливается уровень и адекватность самооценки, ее форма. Кроме того, методика позволяет охарактеризовать отношения учащихся по семи дополнительным шкалам: отношение к делу, коллективу, к себе, стремление уйти от оценки, неуверенность в поведении, стремление к лидерству, самоуверенность в поведении.

Используемые методы статистического анализа: описательная статистика, критерий Шапиро – Уилка, коэффициент корреляции Пирсона (взаимосвязь виктимизации и самооценочных компонентов личности), множественный регрессионный анализ с тестированием автокорреляции остатков регрессионной модели с помощью критерия Дарбина – Уотсона. Обработка данных проводилась с помощью программ Microsoft Excel и STATISTICA 10.

Результаты и их обсуждение

Большинство данных соответствует нормальному распределению ($p > 0,05$). Данные по шкале «отношение к делу» показывают асимметричное распределение ($W = 0,95$; $p < 0,05$), в дальнейшей работе они не использовались.

Изучение взаимосвязи виктимизации и самооценочных компонентов личности подростков проводилось с использованием коэффициента корреляции Пирсона. Было выявлено наличие значимой отрицательной корреляции виктимизации (дразнения) и оценки жертвой собственного ума ($r = -0,37$; $p \leq 0,01$), положительной корреляции виктимизации (общая шкала издевательств) и самооценки по шкале «характер» ($r = 0,43$; $p \leq 0,001$). Стремление уйти от оценки взаимосвязано со всеми типами школьных издевательств: дразнение ($r = 0,52$; $p \leq 0,001$), слухи ($r = 0,32$; $p \leq 0,01$), социальная депривация ($r = 0,37$; $p \leq 0,01$), физическое насилие ($r = 0,53$; $p \leq 0,001$), общая частота издевательств ($r = 0,58$; $p \leq 0,001$). Неуверенность в поведении коррелирует с частотой дразнения ($r = 0,48$; $p \leq 0,001$), распространения слухов ($r = 0,30$; $p \leq 0,05$), физического насилия ($r = 0,33$; $p \leq 0,01$), общей частотой издевательств

($r = 0,42$; $p \leq 0,001$). Неадекватно заниженная самооценка связана с дразнением ($r = 0,52$; $p \leq 0,001$), распространением слухов ($r = 0,35$; $p \leq 0,01$), социальной изоляцией ($r = 0,27$; $p \leq 0,05$), физическим насилием ($r = 0,48$; $p \leq 0,001$), общей частотой издевательств ($r = 0,54$; $p \leq 0,001$). Столь сильная взаимосвязь дает нам право считать склонность избегания оценки, неуверенность в поведении, неадекватно заниженную оценку «первыми кандидатами» в предикторы виктимизации участников буллинга. Характер такой взаимосвязи может обуславливаться модулирующим или медиативным влиянием склонности избегать оценки на тревожность, которая, как признавал Дан Олвеус [7], во многом влияет на становление подростком жертвой буллинга и связана с неуверенностью в поведении. С другой стороны, сам факт избегания оценки может влиять на выбор конкретного ученика в качестве объекта травли.

Из частного общения с уже бывшими участниками школьной травли действительно наблюдается такая тенденция: бывшие булли не просто открыты к оценке их личностных качеств. Оценка таким подросткам не была важна вовсе. В то время как бывшие жертвы пытались избежать оценивания, что зачастую становилось спусковым крючком для травли («а давай-ка тебя проверим»). Тем не менее подобные «частные беседы» не имеют прогностической ценности и лишь позволяют сделать нам некоторые общие предположения.

В ходе исследования работы мы оценили, как самооценочные компоненты предсказывают виктимизацию участников буллинга (табл. 1). В результате применения множественной регрессии с шаговым отбором предикторов (общий уровень самооценки, общий уровень притязаний, уровень самооценки и притязаний по шкалам «характер», «ум, способности», «умелые руки», «авторитет у сверстников», «внешность», «уверенность в себе», отношение к делу, себе и другим, стремление уйти от оценки, неуверенность в поведении, деловые коллективистские качества личности, самоуверенность в поведении, стремление к лидерству, неадекватно завышенная и заниженная самооценка) была получена линейная регрессионная зависимость, в которой в качестве зависимой переменной выступала виктимизация участников буллинга ($M = 118$; $SD = 78$). В ходе применения пошагового метода включения из двадцати шести предикторов в уравнение регрессии включены лишь девять (табл. 2): общий уровень притязаний ($M = 75$; $SD = 14$), общий уровень самооценки ($M = 62$; $SD = 16$), уровень самооценки по шкале «авторитет у сверстников» ($M = 60$; $SD = 22$), уровень притязаний по шкале «умелые руки» ($M = 77$; $SD = 17$), стремление уйти от оценки ($M = 53$; $SD = 22$), неуверенность в поведении ($M = 53$; $SD = 23$), деловые коллективистские качества личности ($M = 58$; $SD = 17$), неадекватно заниженная самооценка ($M = 52$; $SD = 20$), уровень притязаний по шкале «ум, способности» ($M = 72$; $SD = 18$).

Таблица 1

Регрессионная статистика

Множественный R	0,672
R-квадрат	0,451
Нормированный R-квадрат	0,362
Стандартная ошибка	20,73145
F	5,037
Значимость F	0,000

Средняя ошибка аппроксимации составляет 3,9 %, что свидетельствует о высоком качестве полученной предсказательной модели. Остатки модели были проверены на предмет отсутствия

автокорреляции, значение статистики Дарбина – Уотсона равно 2,5, что позволяет сделать вывод о высокой эффективности модели и наличии в ней существенно влияющих переменных.

Таблица 2

Самооценочные предикторы виктимизации участников школьного буллинга

Компонент модели	Константа	Общий уровень притязаний	Общий уровень самооценки	Уровень самооценки по шкале «авторитет у сверстников»	Уровень притязаний по шкале «умелые руки»	Стремление уйти от оценки	Неуверенность в поведении	Деловые коллективистские качества личности	Показатель заниженной самооценки	Уровень притязаний по шкале «ум, способности»
Коэффициент										
B	-119	5,81	1,06	-2,56	1,84	7,44	2,65	0,93	-2,53	-4,30
Стандартная ошибка	17,72	2,072	0,329	0,895	0,917	3,020	0,645	0,408	0,696	2,102
t-статистика	-0,654	2,803	3,210	-2,861	2,007	2,464	4,103	2,271	-3,637	-2,044
P-значение	0,515	0,007	0,002	0,006	0,049	0,016	0,000	0,027	0,001	0,046

Результаты регрессионного анализа показывают, что наибольший положительный вклад в виктимизацию участников буллинга связан с такими самооценочными характеристиками учащихся, как общий уровень притязаний и стремление уйти от оценки. Отрицательный вклад, снижающий виктимизацию, вносят: показатель заниженной самооценки (более адекватная самооценка по этому показателю), уровень

притязаний по шкале «ум, способности», уровень самооценки по шкале «авторитет у сверстников».

Обращает на себя внимание выявленное влияние на виктимизацию общего уровня притязаний ($M = 75$; $SD = 14$), уровня притязаний по шкале «умелые руки» ($M = 77$; $SD = 17$) и уровня притязаний по шкале «ум, способности» ($M = 72$; $SD = 18$). Прямое влияние на независимую переменную

общего уровня притязаний ($B = 5,81$; $p = 0,007$) и уровня притязаний по шкале «умелые руки» ($B = 1,84$; $p = 0,049$), при обратном влиянии притязаний по уму ($B = -4,3$; $p = 0,046$) может свидетельствовать о том, что, несмотря на прослеживаемый виктимизирующий характер притязаний, некоторые компоненты все же могут выступать в роли протекторов. Так, претендующие на лидерство по умелости школьники, которые не подчеркивают это в своем поведении (или не имеют фактических способностей к «работе руками»), с меньшей вероятностью станут жертвами буллинга, в то время как претендующие на особые умственные способности подростки с меньшей вероятностью станут объектом травли. Это может быть объяснено, во-первых, потенциальной полезностью таких школьников для организатора травли, во-вторых, гипотетической вероятностью, что претендующие на ум подростки сами выступают участниками буллинга в качестве «преследующей» стороны.

Наблюдаемая дихотомия «умелость/ум» может также в целом характеризоваться некоторыми ментальными, культурными особенностями восприятия человеческих способностей, характерными для нашей страны: с раннего возраста в ребенка закладывается понимание, что ум тесно связан с успешностью в жизни, многовариативностью в выборе жизненных сценариев, возможностью получения высшего образования, в то время как способности к ручному труду ценятся куда ниже («Ты что, хочешь дворником стать?», «Тебе с твоим умом только на завод»).

Эта общая идея, находя отражение в только формирующихся взглядах на мир младших подростков, способна помочь булли идентифицировать основные маркеры будущей жертвы, при этом сам буллинг может превращаться в своеобразную «проверку гипотез»: а так ли действительно важны те качества, о которых столь много говорят взрослые.

Тем не менее на практике все чаще встречаются умные, но подверженные буллингу ребята, чувствующие себя «белыми воронами». Это наталкивает на мысль, что личностным протектором выступают все же самооценочные компоненты, а не умственные способности как таковые: ситуации буллинга избежит скорее тот, кто презентует себя умным, а не тот, кто умным является, что делает вопрос об изучении умственных и интеллектуальных предикторов буллинга актуальным.

Мы предполагаем, что «диспропорция» общей самооценки и частных самооценок, наблюдаемая прежде всего по причине недостаточной конфигурационной очерченности, несформированности самооценки подростков, порождает коллизию, итогом которой становится несовпадение самооценки и желаемого образа «Я». Мы вынуждены признать, что предположение Дана Олвеуса о наличии низкой самооценки у виктимизированных участников буллинга не находит отражения в полученной нами предсказательной модели. Напротив, именно высокая самооценка выступает маркером жертвы травли. Тем не менее частные самооценки все же выступают в роли «антипредикторов», личностных протекторов (что

особенно ярко демонстрируется относительно низкой предсказательной силой самооценки характера), что может объясняться спецификой школьной травли, социальными установками. Так, учащийся с высокой самооценкой рискует попасть в когорту жертв буллинга, но станет менее интересной мишенью для буллии, если высоко оценивает свою внешность, авторитет, ум, умелость. Это наталкивает нас на мысль о том, что конкретные параметры могут выступать в качестве мишеней для тех, кто непосредственно реализует травлю: осмеянию и травле подвергаются «некрасивые», «глупые» и «неумелые» по мнению класса подростки.

Важно отметить слабую способность неадекватно высокой самооценки предсказывать виктимизацию участников буллинга. Этот факт, вкупе с положительным вкладом в виктимизацию общего уровня самооценки и отрицательным влиянием неадекватно низкой самооценки, позволяет сделать вывод, что вопреки расхожему мнению низкая самооценка выступает личностным проектором: чем ниже самооценка, тем ниже вероятность стать жертвой. Тем не менее низкая самооценка, достигшая известных пределов «адекватности», позволяет участнику буллинга совершить переход к позиции жертвы буллинга. Мы предполагаем, что этот качественный переход также связан с потерей авторитета у сверстников и возникновением неуверенности в поведении при сохранности деловой коллективистской направленности личности жертвы.

Выводы

Таким образом, нами были выделены следующие психологические предикторы виктимизации участников буллинга: общий уровень притязаний и самооценки, уровень самооценки по шкале «авторитет у сверстников», уровень притязаний по шкале «умелые руки» и «ум, способности», стремление уйти от оценки, неуверенность в поведении, деловые коллективистские качества личности, неадекватно заниженная самооценка.

Уточнен вклад самооценки в виктимизацию участников буллинга, что, несомненно, интригует и ставит вопрос о пересмотре исходных исследовательских предпосылок.

Результаты исследования могут использоваться школьными психологами и классными руководителями, сталкивающимися с проблемами подросткового буллинга. Полученная регрессионная модель позволит модифицировать стратегию корригирования самооценки жертв школьной травли.

Дальнейшая работа предполагает создание аналогичной психологической предсказательной модели склонности подростков занимать позицию обидчика в ситуации буллинга, дополнение полученной предсказательной модели виктимизации новыми психологическими предикторами (с расширением выборки), уточнение медиаторных и модулирующих функций конкретных предикторов, а также создание типологии участников буллинга (на основе иерархического кластерного анализа).

Литература

1. Bond L., Wolfe S., Tollit M., Butler H., Patton G. A comparison of the Gatehouse Bullying Scale and the peer relations questionnaire for students in secondary school // The Journal of school health. 2007. Vol. 77. № 2. 75 p.
2. Chu X. W., Fan C. Y., Liu Q. Q., Zhou Z. K. Stability and change of bullying roles in the traditional and virtual context: A three-way longitudinal study in Chinese early adolescents // Journal of Youth and Adolescence. 2018. 47. 2384 – 2400 p.
3. Erdoğan Y. M. Parental Attitude and Teacher Behaviours in Predicting School Bullying // Journal of Education and Training Studies. 2016. 4 (6).
4. Kljakovic M., Hunt, C. A meta-analysis of predictors of bullying and victimization in adolescence // Journal of Adolescence. 2016. 49. 134 – 145 p.
5. Kwak K., Lee C. Bullying at School: Situation and Characteristics. Seoul : A-San Foundation Press, 1999.
6. Modecki K. L., Barber B. L., Vernon L. Mapping developmental precursors of cyber-aggression: Trajectories of risk predict perpetration and victimization // Journal of Youth and Adolescence. 2013. 42. 651 – 661 p.
7. Olweus D. Aggression in the schools: Bullies and whipping boys. Washington, DC : Hemisphere (Wiley), 1978. 183 p.
8. Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do. Malden, MA : Blackwell Publishing, 1993. 140 p.
9. Roland E. School Influences on bullying. Stavanger : Rebell forlag, 1989. 275 p.
10. Андронникова О. О. Социокультурные особенности виктимизации подростков. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2002. 460 с.
11. Глазман О. Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 105. С. 159 – 165.
12. Зобков В. А. Психология отношения и личности учащегося. Казань : Каз. (Приволж.) федер. ун-т, 1992. 163 с.
13. Сидоров К. Р. Методика Дембо-Рубинштейн и её модификация // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2013. № 1. С. 40 – 42.

References

1. Bond L., Wolfe S., Tollit M., Butler H., Patton G. A comparison of the Gatehouse Bullying Scale and the peer relations questionnaire for students in secondary school. The Journal of school health. 2007. Vol. 77. № 2. 75 p.
2. Chu X. W., Fan C. Y., Liu Q. Q., Zhou Z. K. Stability and change of bullying roles in the traditional and virtual context: A three-way longitudinal study in Chinese early adolescents // Journal of Youth and Adolescence. 2018. 47. 2384 – 2400 p.
3. Erdoğan Y. M. Parental Attitude and Teacher Behaviours in Predicting School Bullying // Journal of Education and Training Studies. 2016. 4 (6).

4. Kljakovic M., Hunt C. A meta-analysis of predictors of bullying and victimization in adolescence // *Journal of Adolescence*, 2016. 49. 134 – 145 p.
5. Kwak K., Lee C. *Bullying at School: Situation and Characteristics*. Seoul : A-San Foundation Press, 1999.
6. Modecki K. L., Barber B. L., Vernon L. Mapping developmental precursors of cyberaggression: Trajectories of risk predict perpetration and victimization // *Journal of Youth and Adolescence*, 2013. 42. 651 – 661 p.
7. Olweus D. *Aggression in the schools: Bullies and whipping boys*. Washington, DC : Hemisphere (Wiley), 1978. 183 p.
8. Olweus D. *Bullying at school: What we know and what we can do*. Malden, MA : Blackwell Publishing, 1993. 140 p.
9. Roland E. *School Influences on bullying*. Stavanger : Rebell forlag, 1989. 275 p.
10. Andronnikova O. O. *Sociokul'turny`e osobennosti viktimizacii podrostkov*. Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2002. 460 s.
11. Glazman O. L. *Psixologicheskie osobennosti uchastnikov bullinga* // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*. 2009. № 105. S. 159 – 165.
12. Zobkov V. A. *Psixologiya otnosheniya i lichnosti uchashhegosya*. Kazan` : Kazan. (Privolzh.) federal. un-t, 1992. 163 s.
13. Sidorov K. R. *Metodika Dembo-Rubinshtejn i eyo modifikaciya* // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika*. 2013. № 1. S. 40 – 42.

I. A. Sukharev

SELF-ASSESSED PREDICTORS OF VICTIMIZATION OF ADOLESCENTS INVOLVED IN BULLYING

The article is devoted to one of the stages of creating a predictive psychological model of victimization of adolescents involved in bullying. The hypothesis is that victimization of bullying participants is determined by self-esteem components of personality. Based on the results of an empirical study (N = 65, adolescents from 10 to 13 years old) using the Gatehouse bullying scale, the Dembo-Rubinstein method (modified by A. M. Prikhozhan), the motivational self-assessment questionnaire by V. A. Zobkov, a regression model was obtained showing a significant influence of the level of self-esteem, claims, collectivist personality traits on the victimization of adolescents.

Key words: *bullying, victimization predictors, bullying structure, teenagers.*